

Аня без прикрас

16+

Анна Вершкова

Анна Вершкова
Аня без прикрас

«ЛитРес: Самиздат»

2016

Вершкова А.

Аня без прикрас / А. Вершкова — «ЛитРес: Самиздат», 2016

ISBN 978-5-532-08386-8

С вами часто случаются курьезные и смешные истории? Аню они подстерегают на каждом шагу с самого рождения. Иногда веселое становится грустным и наоборот. Иногда нелепые ситуации приводят к большой любви на всю жизнь. Что может быть интереснее и неожиданнее самой жизни? Эта книжка возникла из воспоминания об одном случае из детства. О каком именно? У читателя есть все шансы отгадать. В книжке пятьдесят три рассказа - ровно по одному в неделю, если растянуть чтение на целый год. Наливайте кофе, берите чашку с чаем, наслаждайтесь, смейтесь и вспоминайте свои интересные и забавные случаи из жизни.

ISBN 978-5-532-08386-8

© Вершкова А., 2016
© ЛитРес: Самиздат, 2016

Содержание

Рождение	5
Девочку пора кормить	9
Жаба	12
Мама и папа ушли в кино	14
Котлетка	16
Жулик	18
Индюшачья история	20
Роза	23
Мой первый пожар	25
Посуда	27
Коза	30
Новый год в школе	32
Миля	36
Дивногорье	41
Зуб	44
Римские каникулы в Острогжске	48
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Рождение

Папа пришел с фронта за полтора года до Победы. Он был тяжело ранен, контужен, и после госпиталя его демобилизовали. Был он больной, на костылях и с окладистой рыжей бородой. Они с фронтовыми друзьями договорились до Победы не бриться. И когда отец появился в доме, Женя-сынок очень испугался этого рыжего дядьку.

Мама же была несказанно рада, что муж вернулся, хоть и весь раненый, больной, но живой. Когда мама сказала папе, что опять беременна, он очень обрадовался. С маленьким сыночком, который родился без него, они все еще никак не могли привыкнуть друг к другу. А тут такая прекрасная новость – появится человечек, который объединит всех. И это, конечно, должна быть девочка – дочка, беленькая, похожая на отца. Папа даже не сомневался, что это буду я. Он молча отвернул на стене угол ковра, и маминой губной помадой написал – АННА. И

все было решено! Должна была родиться именно я, а не какой-нибудь другой ребенок. Правда, с рождением моим был связан один казус, но все закончилось хорошо. Родилась я в Ленинске-Кузнецком, в Сибири, морозной зимней ночью, 28 декабря. Холод стоял ужасный, мороз больше 40 градусов, больница отапливалась плохо – ведь до весны оставалось еще 4 месяца и до конца войны столько же.

Но когда маме принесли меня на первое кормление, она отказалась меня признавать. Я ей сразу как-то не понравилась. Ей показалось, что уж очень я страшненькая!

Женю она родила в родном селе, в больнице, где сама работала. Он появился на свет в октябре, когда еще не было холодно. Одним словом, брат родился красивенький, бело-розовый. Его так и прозвали «зефиром».

А я, видимо, в этой холодной больнице замерзла, посинела, да еще запеленали меня как-то небрежно – всю мордашку перекосили. В общем, когда мамочка увидела такую «красавицу», решила, что ей принесли чужого малыша. А когда сняла с головки платочек и увидела, что младенец еще и лысый, то попросила вернуть ей ЕЁ ребенка. Чужого она кормить ни за что не будет!

С мамой в одной палате лежала молодая девица. От случайного еврея, который тут же сбежал, она родила двух мальчиков-близнецов. Очень красивых – черноглазеньких, чернобровых, кудрявых. И она предложила маме:

– Давай махнемся – ты мне свою лысую отдашь, а я тебе – двух красивых еврейчиков. Мне они все равно не нужны. Я отсюда выйду – и в шурф их брошу. (Это же Кузбасс – вокруг были шахты). Соглашайся, спасешь красавчиков! Бедная мамочка плакала, но все равно отказывалась меня признавать.

Врачи уже не знают, что делать? Как мамашу убедить, что этот ребенок – ее, и его надо кормить. Решили пригласить отца девочки. Может он признает?

Вызвали папу, надели на него больничный халат, бахилы и повели в детскую палату. Там стояло штук 20 кроваток с новорожденными детками. Больница была большая, и детей родилось сразу много. Вот папе и предложили к ним присмотреться – может он и признает свою дочку. И папа пошел ходить по рядам и рассматривать всех новорожденных детишек. Ходил-ходил, смотрел-смотрел, потом остановился возле одной и говорит:

– По-моему – ЭТА!

Развернули пеленки, а у младенца на ручке и на ножке браслетки, и на них написано – девочка... и мамина фамилия. Удивленные, радостные все побежали к мамаше – мол, не сработало ее материнское чутье, не узнала она своего ребенка, а вот отец узнал.

Мама еще раз внимательно посмотрела на меня и поняла, почему я ей не понравилась. Просто я была очень похожа на нее! Ведь женщины сами себе редко нравятся. Но пожилая нянечка успокоила мою мамочку:

– Подожди, уже через месяц она у тебя первой красавицей будет, не переживай!

Мама успокоилась, и начала меня кормить.

Папа принес в больницу большой самодельный электрообогреватель. Его установили в детской палате. Все детки отогрелись, и я превратилась в симпатичного ребенка. А папа с тех пор всегда гордо говорил:

– Это я тебя выбрал, можно сказать, я тебя родил! Ведь мать могла бы тех красивых еврейских мальчиков вместо тебя взять. Своей внучке Леночке (моей дочке) дед в шутку говорил:

– Скажи спасибо, что я твою мать выбрал, а то, если бы бабка тех близнецов взяла, то вместо мамы и папы было бы у тебя три папы – Толик и еще два еврея.

Иногда, мне кажется, Толик жалеет, что мама не поменяла меня на тех близнецов. Может быть, они бы не так вредничали и капризничали. Но я живу спокойно. Знаю, что теперь уже меня никто ни на кого не поменяет!

А папа меня, действительно, всю жизнь очень любил, обожал и гордился.
При случае он всегда говорил:
– Моя дочь, вся в меня!

Девочку пора кормить

Мой брат Женя родился в начале войны. Папа в это время уже был на фронте. Я появилась на свет в декабре, перед самым концом войны, когда папа после ранения вернулся домой. Жене тогда шел уже четвертый год.

Жили мы в Сибири. Была зима – холодно, голодно. Но Женечке повезло – мама его понемножку подкармливала грудным молоком. Меня покормит, и, если я уже не хочу, даст и

сыночку приложиться к волшебной кормушке. И он всегда с трепетом ждал момента окончания моего кормления.

И вот наступил такой долгожданный момент. Мама уже взяла меня на руки, чтобы начать кормить, а сыночек уже стоит рядом – ждет с нетерпением своей очереди. Но тут раздался звонок в дверь. Это папа пришел с работы, и мама вышла из комнаты, чтобы открыть ему дверь. Меня она оставила на тахте и подложила подушку, чтобы я не упала. А я-то была совсем крохотная, только-только принесли из роддома.

Буквально через несколько минут родители услышали, что из комнаты раздаются какие-то непонятные звуки – то ли кряхтение, то ли мяуканье. Мама быстро открыла дверь и видит – на пороге стоит Женечка, а в руках у него я... вниз головой. Он держит меня за обе ножки и крепко прижимает к себе, чтобы не уронить. А я извиваюсь, как лягушонок и вякаю, но не плачу.

– Мамочка, – говорит он, – а девочка кушать хочет, пора кормить».

Он, мол, как старший брат, сделал все, что мог – вынес сестру для кормления! А сам смотрит на маму полными надежды глазами. Желание полакомиться грудным молоком у него было настолько велико, что он сумел стащить меня с тахты, донести вверх ногами до двери и даже не уронил... Хотя может и ронял? Мама тут же подхватила меня и начала кормить. Я с рождения до еды была не жадная и наелась быстро. Зато все остатки, естественно, достались уже большому сосунку. И он, довольный и гордый, сидел и облизывался.

Жаба

В детстве я почему-то любила лягушек. И жаб тоже любила. Сама не знаю почему, но они мне очень нравились. Я их везде ловила и таскала за собой. А маленьких лягушат вообще носила в карманах.

Было мне тогда года четыре. И вот как-то мне повезло. У нас в саду я нашла просто огромную жабищу. Я ее даже поднять с трудом могла, такая она была большая, серая, корявая и глазастая. Сидит, выгаращилась на меня и ждет, что я буду с ней делать. Я с трудом затолкала ее в свое ведро и принесла домой. Попыталась ее покормить (стащила с кухни пирожок), но она есть не стала. Тогда я устроила ей в большой коробке постельку, уложила ее туда, укрыла кукольным одеяльцем и задвинула коробку под свою кровать. Никому, конечно, я свою находку не показала. После ужина мама отправила нас с братом спать. Посреди ночи мама проснулась от каких-то странных звуков. Шлеп-шлеп, шлеп-шлеп... Такое впечатление, что кто-то босиком ходит по полу. Мама затаилась, насторожилась – лежит не дышит, прислу-

шивается. Шаги затихли. Потом опять зашлепали. Наверное, воры пробрались в квартиру и в темноте бродят, ищут что-то. Мама не выдержала, стала тихонько будить папу. А он спросонья ничего не понимает: «А? Что? Что случилось?». «Да тихо, ты! – мама ему – Там кто-то ходит».

Но папа – мужчина, он смелее мамы. Быстро встал с постели, включил свет и осмотрел комнату – никого. Посмотрел в детской – тоже никого. Даже вышел в коридор – тоже везде спокойно. Он успокоил маму, и они опять легли. Но через несколько минут кто-то снова зашлепал по полу.

Тогда папа снова включил свет и стал теперь уже проверять все углы и закоулки в квартире. Когда он, наконец, догадался заглянуть под кровать, увидел там огромную жабу. Она сидела и смотрела на него, не моргая, своими стеклянными глазами. Ах ты, дрянь такая! Как ты сюда попала?

Родители решили, что, наверное, дверь была открыта, и она заскочила в дом. Папа тряпкой брезгливо схватил ее и вышвырнул в окно на травку.

Утром, когда я проснулась, то сразу заглянула в коробку – как там моя красавица жабочка. Но в коробке ее не оказалось. Я стала искать свою жабу по квартире, бегала и причитала:

– Вы не видели мою жабочку, самую красивую жабочку на свете?»

– Так это твоя жаба? Как она в дом-то попала? – спросила мама.

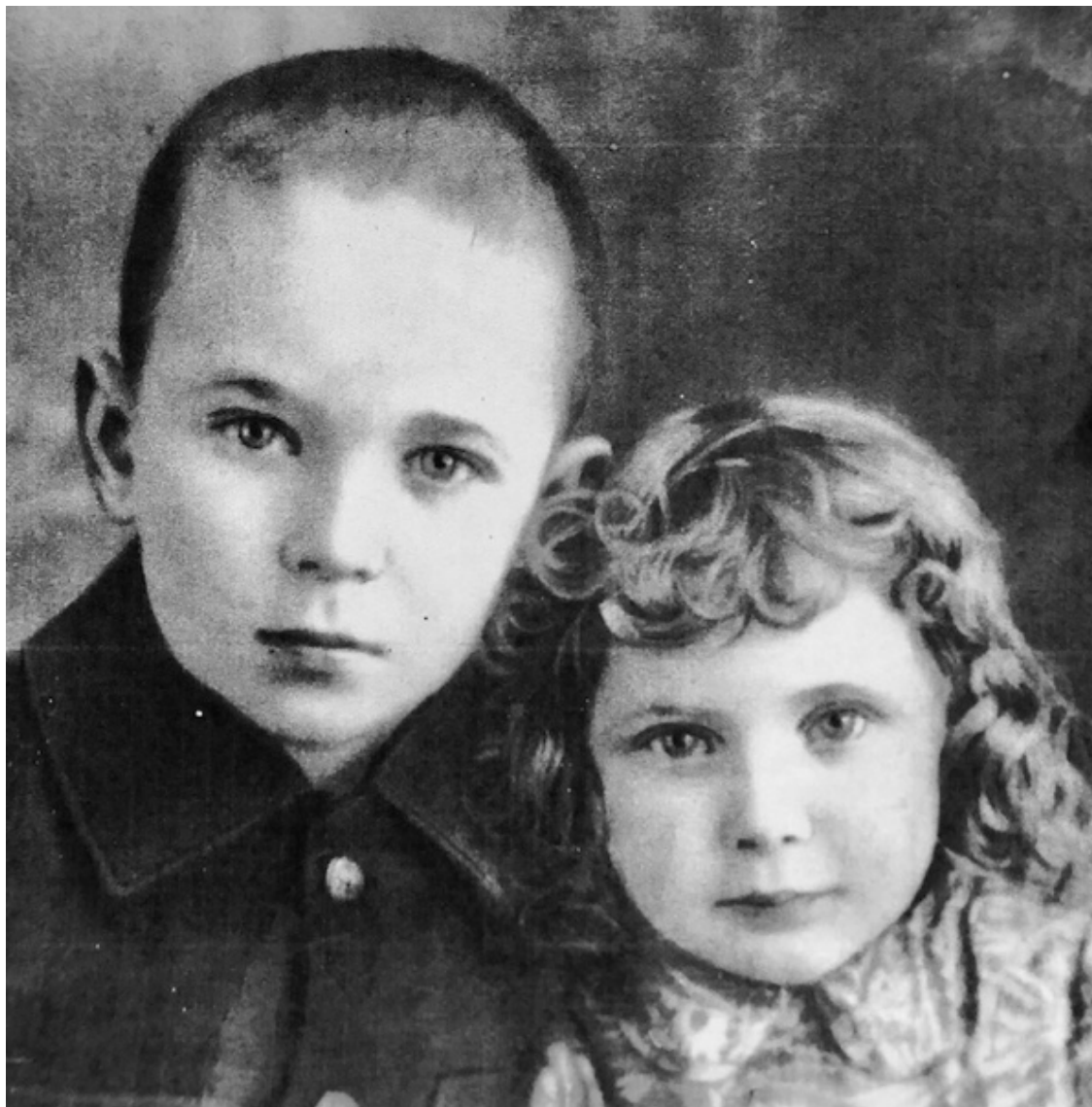
– Я ее в саду нашла и в ведерке принесла, а она пропала. А может это была царевна-лягушка? И может она станет Еленой Прекрасной, а я и не узнаю!

Я горько плакала. Но мама меня успокоила, она сказала, что жаба обязательно вернется, превратится в красавицу и вернется. И я еще долго ждала возвращения своей красавицы.

Про то, как жаба напугала родителей, и как папа вышвырнул ее в окошко, мама мне рассказала, когда я уже подросла. А лягушки мне нравятся до сих пор. И дочку свою я назвала Еленой. Она, и вправду, выросла и прекрасной, и премудрой, как в сказке.

Мама и папа ушли в кино

Когда дети подрастают, они, наверное, все начинают шалить, хулиганить и хитрить. Одни раньше, другие позже. У кого-то это проходит, у кого-то остается на всю жизнь. Наши с братом детские шалости я помню, наверное, с трех лет. А может что-то помню по рассказам мамы.

Однажды мама с папой собрались пойти в кино. В кинотеатре шел какой-то очень интересный фильм, и пропустить его было никак нельзя. В то время кино и библиотека были основными развлекательными и просветительскими центрами.

Фильм шел последний день, поздний сеанс. И мама попросила бабушку присмотреть за нами. С бабушкой и дедушкой мы жили в одном дворе.

Кинотеатр был в пяти минутах от дома, дети уложены (вроде даже заснули), бабушке указания даны – и счастливые родители убежали. А мы с Женей еле-еле дождались этого момента

– все это время мы тихо лежали в своих кроватках и притворялись, что спим, хотя спать нам, конечно, совсем не хотелось.

Только мы с братом остались дома одни, мы быстренько «проснулись» и стали судорожно думать, чем бы нам таким интересным заняться. Ведь не часто нас оставляют одних дома. Дело было летом, было еще не совсем темно – свет мы не включали. Сначала мы обследовали шкафчики, искали конфетки – не нашли. Открыли бабушкин старый сундук. Бабушка (мамина мама) умерла год назад, а большой ее сундук так и стоял в нашей комнате. Чего там только не было – и всякие тряпочки, полотенчики-салфеточки, какая-то пряжа, бабушкина скатерть, расшитая гарусом, я ее очень хорошо помню. Я даже залезла в сундук и посидела там, как Машенька из сказки про Машу и медведя.

Но особо интересного мы не нашли. Правда, там лежала папина «опасная» бритва – он привез ее еще с войны, но трогать ее мы побоялись, а еще ярко-оранжевые бусы, такие крупные круглые бусины. Это были мамины янтарные бусы, она их носила, когда болела малярией. Женька надел их на меня, и я ходила воображала. Но и это надоело. В общем, ничего забавного мы не нашли, и стали прыгать на родительской кровати. Кровать была железная с высокими металлическими спинками и панцирной сеткой, которая подбрасывала нас, как батут. Нам было очень весело. А главное, мы увидели, что на шифоньере, который стоял рядом с кроватью, виднеется какая-то баночка. Это уже было куда интереснее. Но как до нее добраться?

Женя стал на спинку кровати и заглянул на шкаф – банка была с малиновым вареньем. Но она стояла далеко от края. Тогда брат затащил меня на спинку кровати и стал запихивать на шкаф. Это ему удалось. Наверху было классно – высоко, интересно! Да еще там варенье! Я быстренько содрала бумажку, которая была вместо крышки, и придвинула банку к краю шкафа. Мы прямо пальцами немного полакомились сладеньким, но и это быстро надоело, и я стала толкать банку на прежнее место, но перевернула и варенье разлилось по шкафу. Тогда прямо ладонями, сколько смогла, я собрала его в банку, руки вытерла о рубашку и хотела уже слезть. Но как слезать, я не знала, боялась упасть. «Прыгай», – скомандовал брат. «Боюсь», – сказала я. «Прыгай!» – сказал он строже. Я зажмурилась, сжалась в комочек и прыгнула. Да так удачно получилось, что я даже перевернулась, шлепнулась на кровать и стала подпрыгивать на панцирной сетке. Мне было очень весело.

Женька даже позавидовал, как у меня это здорово вышло и тоже захотел так прыгнуть. Он залез на шкаф и тоже прыгнул, и тоже так кубарем. Мне еще захотела так же прыгнуть. Тогда брат стал сначала помогать мне залезать на спинку кровати, сам забирался на шкаф и затащивал туда меня. Мы прыгали и кувыркались, и качались на кровати. Весело было ужасно!

Когда родители примчались из кино, они увидели такую картину: милые детки крепко спали на их кровати, все вымазанные вареньем с синяками под глазами. Это когда мы, прыгая, летели кувырком со шкафа, видимо, коленкам били себя по лицу и набили фонарей. Родители были счастливы – детки дом не подожгли, сами живы-здоровы. И вообще ничего страшного не случилось.

Фильм был интересный. Пропускать такое мероприятие было никак нельзя. А утром мама деток и шкаф отмыла, и все было чудесно! Наступил новый день, и мы придумывали все новые и новые интересные занятия и забавы.

Котлетка

Когда мне было лет пять, к нам в гости приехал мой дядя – мамин брат Саша. Он тогда был совсем молодой, учился в Москве в военной академии иностранных языков и всегда на каникулы приезжал к нам.

Дядя он был чудесный, мы с братом его очень любили и всегда ждали его приезда. Во-первых, он всегда привозил московские подарки, гостинцы, сладости. Во-вторых, делал нам всякие забавные игрушки, придумывал разные смешные и страшные истории. А перед сном обязательно рассказывал что-нибудь безумно интересное. Мы с братом даже всегда спорили, кого из нас он будет укладывать.

Итак, во время его очередных каникул мы как-то остались с ним дома одни. Родители ушли на работу и поручили Саше развлечь меня, накормить и уложить спать.

Мы с ним чем-то позанимались, порисовали и он решил, что уже достаточно меня развлекать – пора укладываться спать. Предстоял обед и послеобеденный сон. Спать в обществе дядюшки я была согласна, но есть – ни за что.

Ела я всегда очень плохо, вечно капризничала и вредничала. В общем, накормить меня была целая проблема. Если мама предлагала мне суп, я просила борщ. Но хитрая мама тут же ставила передо мной тарелку борща. Зная мой противный характер, она предусмотрительно оставляла борщ от вчерашнего обеда. И деваться мне некуда было, надо было есть. Но не тут-то было. Издеваться над родителями я и тогда не переставала. Демонстративно, с кислой тоскливой физиономией я начинала разбирать этот борщ на составляющие и раскладывать по ободку тарелки. И все это со словами:

- Мамочка, я лук не люблю.
- Мамочка, я капустку не люблю
- Мамочка, я свеколку не люблю.

Все остальное я не любила тоже. Это было ужасно. У мамы не выдерживали нервы, она не могла этого видеть и просто уходила из комнаты. Терпения хватало только у папы. Как только мама удалялась, папа сгребал все овощи обратно в тарелку и быстро начинал меня кормить. А я только успевала рот открывать. И когда мама возвращалась, я все уже съедала. В общем, со мной было непросто. И вот с таким ребенком дядя остался за няню.

Он, как и мама, предложил мне на обед одно, другое, но я, естественно, от всего отказалась. Тогда он намазал кусок хлеба маслом, положил на него холодную котлету и со словами: «Ешь», – дядя вышел во двор закрыть ставни, чтобы свет не мешал мне спать.

Только он оказался за дверью, я начала лихорадочно соображать, куда бы мне деть эту ненавистную котлету. Сначала я попыталась запихнуть бутерброд за тарелки на столе, но его было видно. Попробовала засунуть на полку с книжками, но он почему-то упал. И вдруг мне на глаза попала печка, а точнее поддувало. В открытую дверцу была видна просыпавшаяся из топки зола.

Не раздумывая, в одну секунду, я разгребла золу и закопала в нее этот противный бутерброд. И только успела захлопнуть дверцу, как вошел дядюшка. Тихонько вытирая об себя руки, с милой улыбочкой, очень вежливо я сказала:

- Спасибо, дядя Сашенька, было очень вкусно.

– На здоровье, – ответил мне дядюшка, но, видимо, не поверил в мой неожиданно разыгравшийся аппетит и стал озираться по сторонам. Он заглянул за тарелки на столе, на полку с книжками. И вдруг, его взгляд остановился на печке. Открыв дверцу, он быстро откопал бутерброд, слегка отряхнул его и с рыком: «Ешь!» – снова сунул мне его в руки. Я, конечно, не ожидала такого поворота, тем более, на меня никто никогда не повышал голос. А тут, мало того, что на меня кричат, да еще заставляют есть грязную котлету. Можно представить, какой это был бутерброд. Ведь к маслу и котлете прилипла вся зола. Я попыталась возразить, но мой любимый дядя еще страшнее рявкнул:

- Ешь, идиотка, в другой раз не будешь врать!

Это была, как тогда, казалось, самая тяжелая минута в моей жизни. Захлебываясь слезами, я ела эту злополучную котлету, смешанную со слезами и золой, и думала, что больше никогда не буду врать. А главное – никогда больше не буду есть котлеты, а уж дядюшке этого я вообще ни за что не прощу.

Но все проходит. И котлеты я потом ела правда сейчас уже не ем. И врать мне приходилось, да и сейчас случается. Да и дядюшке я все простила.

Но не забыла.

Жулик

Лето, мама в отпуске, дома, варит вишневое варенье. Мне пять лет. Я играю с подружкой в нашем дворе и время от времени забегаю домой слизнуть пенку со свежего варенья. Вкусно невероятно. Но варенье мама варит не как всегда на керогазе, а на настоящей электроплите, с жуликом. Мне очень интересно.

Патрон, который вкручивался под лампочку, а в дырочки можно было вставлять вилку от электроплиты, почему-то называли «жуликом». Розеток тогда не было – летом готовили на керогазе или на примусе, а зимой топили печку, на ней и утюг грели, и еду готовили, и дом обогревали. Я очень любила зимой сидеть у открытой дверцы и смотреть, как горят дрова, летят искры, гудит огонь, мечтать.

Маме повезло – ей приятельница дала на один день такой патрон и мама решила быстро сварить варенье, чтобы без лишних хлопот, керосинового запаха – на электроплите

чисто и удобно. На кухне она выкрутила лампочку, вкрутила этот патрон и аромат понесся по всей улице.

Я играла во дворе. Во двор заглянула какая-то тетенька, подошла ко мне и сказала: «Я квартальная, мама твоя дома?» «Ой, – подумала я, – какая у нее красивая фамилия – Квартальная». (У мамы была подруга, которую мама называла Надя-нотариус, и я считала, что «нотариус» – это ее фамилия. А тут еще Квартальная, тоже красиво.) «Да, мамочка дома, она варит варенье, и не просто варит, а с жуликом», – наконец-то я хоть с кем-то поделилась такой радостью. «Да? Интересно!» – сказала тетя-квартальная. И хотела постучать в дверь. «Не надо стучать, я вам открою, у нас есть секретный вход», – сказала я и быстро полезла в дырку между забором и домом, забежала в дом с заднего входа, не сказав маме ни слова, открыла входную дверь, вежливо пригласила тетеньку к нам в дом. А маме громко и торжественно объявила: «Мамочка, к нам в гости пришла тетя-квартальная!» Мамочка от неожиданности прямо остолбенела. «Ты рада?» «Очень», – ответила мама. У нее на кухонном столе стояла электроплита, включенная в запрещенный патрон-жулик, на плите тазик с кипящим вареньем.

Мама стояла и молча смотрела то на меня, то на гостью. Она знала, что нарушила порядок, ну что делать, надо отвечать. Но все обошлось оказалось, что тетя-квартальная была маминной знакомой и зашла к маме совсем не с проверкой, а за какими-то рисунками для вышивки. «Ну и доченька у тебя такая шустрая, такая открытая, такая гостеприимная, – засмеялась она. – Но ты все-таки осторожнее, а то за это могут наказать, штраф наложить и плитку забрать. «Да, конечно, – сказала мама, – я сегодня же его отдам. Мне этот патрон дали на несколько часов». Мама вручила ей обещанные рисунки и тетя ушла. Перед выходом она погладила меня по голове и сказала: «Ты молодец, но чужим без маминого разрешения сама больше не открывай. Ведь люди бывают не только хорошие, но и плохие». – «А я думала, что все люди хорошие, но больше не буду».

Мамочка мне, конечно, ничего не сказала, она понимала, что я ничего плохого не сделала, просто хотела проявить инициативу, показать свою самостоятельность и сделать маме маленький сюрприз. Сюрприз вполне получился. А квартальная – это была такая должность в городском хозяйстве. Она ходила по городу, по дворам, следила за порядком, чтобы везде было чисто, и во дворах, и возле домов, чтобы травка была подстрижена. И вообще не нарушался порядок. Зато у меня теперь была знакомая квартальная.

А потом нам поставили розетки на стены, установили счетчики и разрешили пользоваться и утюгом, и электроплиткой.

Индюшачья история

Летние каникулы после третьего класса я проводила дома в компании соседских ребятшек и своего младшего брата Саши. Мы целыми днями гуляли на улице, играли в мяч, в прятки, пасли лошадку Розу.

Но неожиданно все наши игры отошли на задний план – у меня к ним пропал интерес. Дело в том, что Олина бабушка купила на рынке новорожденных индюшат. Совсем крошечных. Целых двадцать штук. И когда я их увидела, таких маленьких, пушистых, то совсем потеряла покой. А они такие шустрые – все время пищат, в коробке возятся, толкаются. От зависти я просто умирала.

Оля – это моя подружка-соседка, на два года младше меня. Жила она с двумя бабушками и мамой. Одна бабушка была маминой мамой, а вторая – бабушкиной сестрой – Олиной крестной, которую Олечка называла просто «Крё». И я очень завидовала подружке, ведь у меня не было ни одной бабушки, а тем более крестной.

А еще у них был амбар – сарай с металлическими распашными дверями. Об эти двери мы с подружкой играли в мяч. У нас тоже был сарай, но до амбара ему было далеко, потому что двери у него были деревянные, и он был не такой большой, как соседский.

И хоть я за глаза Олину крестную тоже называла «Крё», и наш сарай «амбаром», но я-то знала, что все это неправда – и крестная вовсе не моя, и мой сарай совсем не амбар. В общем, завидовала я подружке страшно. А тут еще индюшата...

И я стала просить маму, а точнее умолять, тоже купить мне индюшат. Я готова была пообещать ей что угодно – и вести себя хорошо, и Сашу везде брать с собой (ему было два с половиной года) и даже начать хорошо есть, без капризов. Подружка Олечка была девочка упитанная, даже толстенькая, а я напротив – худышка. Одни коленки торчали и лопатки. На какие только ухищрения мама не пускалась, чтобы откормить меня. Даже подарки сулила. И все без толку.

Наконец мама не устояла, и птичек мне купила, целых шесть штук – ура, ура! Правда, она взяла с меня слово, что ухаживать за ними я буду сама – и кормить, и поить, и убирать.

И я принялась растить индюшат. Первые дни я от них вообще не отходила – кормила их творожком, яйцом, мелко травку резала, поила водой. Просто не могла нарадоваться и налюбоваться на своих питомцев.

Но через несколько дней мне все это надоело, и я перестала даже заглядывать в коробку. И маме поневоле пришлось самой заниматься индюшатами. Наверное, благодаря правильному кормлению и уходу, наши птенцы стали быстро расти, и на глазах превращались в настоящих птичек – здоровых, хорошеньких и активных.

А в это время у Оли индюшата почему-то началидохнуть.

Что ни день – то покойник. То ли их кормили неправильно, то ли болезнь они какую-то подцепили, но на них напал мор. Сначала птичек нам было жалко, мы с подружкой даже плакали над каждым задохликом. Но индюшат у соседей было целых двадцать штук, и поначалу даже не было заметно, что они убывают. А они дохли и дохли. Почти каждый день. То по одному, то по два.

Мы с Олей не могли пустить на самотек такое дело, и превратили индюшачий мор в игру. Каждый день мы стали устраивать пышные индюшачьи похороны. Народу на наши мероприятия собиралось достаточно много – все маленькие дети с нашей улицы.

Работы хватало всем – кто рвал одуванчики по обочинам, кто траву, кто ямку копал. А мы с подружкой делали для дохлых индюшат нарядные гробики. Я выпросила у своей мамы красивую ароматную коробочку из-под духов «Красная Москва». Она была с кисточкой и с розовой шелковой подкладкой. (Запах этих духов – запах моего детства, я помню его до сих пор). В коробочку мы торжественно укладывали почившего птенца, украшали его цветами и начинался похоронный ритуал. Впереди шли маленькие дети (в их числе мой братик Саша) и посыпали дорожку травой и цветочками. За ними Ольга несла коробку с дохлым индюшонком. И завершали процессию музыканты – они играли на детских шарманках (крутишь ручку, и раздается дребезжащая мелодия). Время от времени музыканты били в барабаны. Шум и грохот был на всю улицу. Потом процессия двигалась в Олин огород – ведь хоронили их индюшонка. Там мы вынимали покойника из коробки и закапывали. Коробочку мы оставляли для следующего клиента, который появлялся, если не в этот день, то на следующий – обязательно. А если повезет, то и два сразу. Оле мама тоже дала упаковку из-под парфюмерного набора. Там раньше были духи, пудра и мыло. И в нее можно было положить сразу трех дохлых индюшат – случались и такие урожайные дни.

Взрослые нам ничего не запрещали, главное, чтобы мы гуляли рядом с домом у них на глазах, к ним не приставали и не жаловались, что скучно. А мы и не скучали – мы всегда придумывали себе интересные занятия.

Правда, однажды, нашу похоронную контору Олины бабушки чуть было не прикрыли. Как-то вечером после очередных похорон, я услышала, что Олечка плачет. Я, конечно, побежала посмотреть, но войти не решилась и подсмотрела в щелочку. Подружка моя плакала, а бабушка-крестная ее за что-то отчитывала. Но вторая бабушка как будто заступалась за внучку, прижимала к себе и тоже что-то ей говорила.

«Ах ты, Крё, – подумала я, – а я-то еще жалела, что у меня нет крестной. Ну и слава богу, хоть меня некому ругать. А у Ольги целых две бабушки. Вот будет концерт, если обе возьмутся ругать внучку».

Но вскоре Оля успокоилась, и утром рассказала мне, что случилось. Олина крестная была портнихой и шила на заказ женские платья. Все клиентки ее были модные, а ткани, из которых они заказывали платья и блузки, были дорогие и красивые. Вот в эти тряпочки, обрезки от модных заказов, мы с Олей и заворачивали наших покойников.

А тут у Олиной крестной пропал какой-то кармашек от недошитого заказа. Утром должна была прийти клиентка за готовым платьем, а крестная не могла его дошить, потому что карман куда-то подевался. Вот бабушки и пытали мою подружку – не ее ли это рук дело? Оля сначала, как партизанка, все отрицала, но потом, когда на нее посильнее надавили, вспомнила, что последнего индюшонка она заворачивала в похожую тряпочку.

Крестная помчалась в огород искать наше последнее захоронение. Раскопала, достала нашего покойного индюшонка, развернула его, забрала свой лоскуток, а трупик безжалостно вышвырнула за забор. Вот Олечка и плакала. Но потом бабушка дала Оле много других ненужных лоскутков, и подружка моя успокоилась.

Постепенно все соседские индюшата передохли, а наши росли, как на дрожжах и превратились в огромных красивых птиц с красными глазами и красивой длинной висюлькой (мы ее называли соплей). Правда, одного из них, еще птенцом, Саша задавил – катался на нем верхом. Мама за это сыночка отлупила веником – единственный раз в жизни. Но было за что!

Помню, к зиме у нас осталось два шикарных индюка – настоящих красавца. Но самое ужасное, что они просто возненавидели меня. За что, я не знаю. Может за то, что я не стала ухаживать за ними, или просто я им не нравилась. Но стоило мне появиться на пороге, как они с гоготом, расставив крылья, распутив соплю, кидались на меня. Я их смертельно боялась. А умирал их, как ни странно, братик Саша. Этот трехлетний малыш брал индюка за его серьгу – соплю и спокойно вел в сарай. И только тогда я быстро пробегала домой.

А может они не могли забыть нашу игру в похороны. Ведь Олю – подружку мою – они тоже не жаловали. Эта мысль только сейчас пришла мне в голову.

Роза

У наших соседей была маленькая лошадка-пони Роза. Она была уже старенькая, очень спокойная, добрая, и мы, ребяташки, ее очень любили.

Костя, хозяин Розы (он был года на два младше меня), каждый день гулял с ней, а мы всей толпой ходили за ними. Роза щипала травку на обочинах, а мы расчесывали ее гриву, заплетали косы, вплетали в них ленты, которые приносили из дома. Роза любила сладкое, и мы таскали ей из дома сахар, печенье, конфеты. В общем, все самое вкусное мы несли нашей любимой Розе.

Компания у нас была разношерстная. Мы не разделялись на группы по возрасту, а гуляли всей улицей – и большие, и маленькие – все вместе. Возле колонки на улице был лоток, и мы поили нашу лошадку свежей водой. Мы очень ее любили. Правда, кататься на ней не разрешалось, потому что она была уже старенькая, а Костя был очень крупным и толстым мальчишкой. И из вредности и ревности Костя, конечно, никогда не дал бы мне (худенькой и маленькой) сесть на Розу, хотя, мне так хотелось.

Это была моя мечта.

Но все равно мы были счастливы, что нам позволяли пасти, кормить и украшать эту чудесную лошадку. Мы плели ей венки из одуванчиков и ромашек и делали прически. И вообще, считали, что Роза – самая лучшая, самая красивая лошадь на всем белом свете.

Роза на самом деле была уже старая, бестолковая и беспамятная. И однажды она увела всю нашу детскую компанию неизвестно куда.

А произошло это так. Мы ходили, как всегда, за Розой хвостиком. Она паслась-паслась, шла-шла, а мы за ней следом. И всей ватагой забрели в какое-то незнакомое место. Когда опомнились, оказалось, что мы стоим посреди поля.

Кругом – ни души, а дело уже к вечеру. Мы, конечно, испугались и давай подгонять Розу, чтобы она пошла. Надеялись, что она сама найдет дорогу домой. А лошадка, видимо, растерялась – кружится на одном месте и не идет. Что мы только ни делали. И приманивали ее, и толкали сзади, и тянули спереди, но она ни в какую – не идет, и все.

Все уже грязные, голодные, малыши режут, а я, самая старшая, их успокаиваю, а сама не знаю, что делать. А наша лошадка всё не идет – стоит, как истукан. Нашел нас отец Кости и привел вместе с Розой домой. К счастью, родители задержались на работе (у них было какое-то собрание). А наша домработница, видимо, как всегда, проболтала с соседкой и не заметила, что дети пропали. Правда, когда она стала звать нас обедать, а мы не отзывались, она, конечно, очень испугалась. Начала бегать по соседям, искать нас, охать-ахать. Но на этот раз ей повезло – мы нашли еще до прихода родителей с работы. Когда мама с папой появились, мы были уже дома. И домработница была счастлива, что ее не уволили за то, что не следит за детьми. Я ведь гуляла не одна. Со мной, как всегда, был мой младший брат Саша.

Маме я ничего не стала рассказывать про нашу прогулку, чтобы ее не пугать и не расстраивать. А сама с нетерпением стала ждать следующего свидания с Розой. Даже уже начала собирать для нее гостинцы – новые ленточки, конфеты и печенье «хворост», которое мама напекла для гостей. Оно называлось очень красиво: «розанцы» – и лошадка с удовольствием им лакобилась. Счастливая, в предвкушении новой встречи с Розой, я легла спать. И снилось мне, что я еду на ней верхом...

Мой первый пожар

Когда мне было десять лет, к нам в гости на Новый год приехал мой любимый дядюшка, мамин брат Саша.

Он был такой выдумщик, фантазер и рукодельник, что, когда я начала ныть, что возле нашей красивой нарядной елочки нет Деда Мороза, он тут же принялся его мастерить. И сделал такого красавца, что ни один магазинный Дед не смог бы с ним сравниться. Он был огромный, высотой около метра. И борода у него была окладистая и шапка красивая, и тулуп прямо, как настоящий. Сказочный получился Дед Мороз. На зависть всем подружкам!

Дядя Саша уехал, каникулы закончились, и я, в радостном предвкушении восторга подружек, позвала их в гости, чтобы похвастаться своим Дедом Морозом. Девочки пришли, посмотрели и... раскритиковали. Сказали, что неплохой, но все равно видно, что самодельный, и что фабричные лучше. Но если его побрызгать сладкой водой, он станет такой же твердый, как магазинный.

Проводив подружек, и дождавшись, когда домработница (а у нас всегда жила какая-нибудь тетушка) ушла к соседке поболтать, я решила воспользоваться моментом и нанести недостающий лоск своему Деду Морозу. Дома мы остались вдвоем с трехлетним братом Сашей. На кухне я нашла литровую стеклянную банку, налила в нее воды, и насыпала ложки три – четыре сахара. Попробовала – сладко, вкусно. Отодвинула слегка Деда Мороза от елочки – и стала брызгать его сладкой водой. Наберу в рот побольше и... прямо на физиономию Деду, на бороду, туда, где вата была совсем пушистая.

На что же стал похож бедный старичок! Мордочка его скукожилась, мокрая борода повисла. Мама родная! Я поняла, что делаю что-то не то, и решила быстренько все исправить – подсушить дедушку. Я дула на него, дышала, но он почему-то не сох. Тогда я решила подсушить его кардинально – огнем. Я стала по одной зажигать спички и аккуратненько подносить их к мокрой вате. И действительно, вода шипела и исчезала. В общем-то, наверное, с десятой спички Дед Мороз не выдержал этих пыток и воспламенился. Он как-то очень быстро пыхнул и загорелся весь сразу. Я, конечно, очень испугалась, но сумела его повалить, отпихнула подальше от елки и побежала на кухню за водой. Принесла чайник и стала заливать огонь, но он почему-то разгорался все сильнее. Уже по комнате полетели хлопья гари, и пополз дым. Я схватила Сашу. Укутала его маминым пуховым платком и поставила на стул возле открытой форточки.

– Саша, дыши! – приказала я и опять побежала за водой. Но в доме воды уже не было. Тогда я стала кастрюлькой набирать снег во дворе и засыпать огонь. Рядом с сухой елкой уже пылал настоящий костер. Я была в отчаянии. Сейчас уже и не знаю, как у меня хватило ума стащить коврик с дивана и накрыть горящего злополучного деда. И о счастье – огонь погас. Тогда я вытащила в коридор все, что осталось от несчастного Деда Мороза, и накрыла мешком из-под картошки.

Пожар был ликвидирован, но его последствия ужасали. Уже успокоившись немного, я принесла из колонки воды, ведро, тряпку и стала собирать с пола воду, обгоревшую вату и грязь. А тут и «гувернантка» пришла, запричитала и бросилась мне помогать. Но она, конечно, больше всего переживала за то, что за недогляд ее уволят. А я, переволновавшись, умылась, переоделась, села на диван (без коврика) и заплакала, прямо навзрыд. Все-таки такой стресс пережила, а может, боялась, что мама накажет.

Но родители у меня были мудрые. Они меня даже не поругали, напротив, похвалили за сообразительность, за то, что я догадалась накрыть Деда Мороза ковром. А за то, что я послушалась подружек и не посоветовалась с мамой, мне и самой было очень стыдно.

Мама, конечно, понимала, что могла произойти настоящая беда – ведь елка была большая, до потолка и совсем сухая. Она простояла все каникулы, и ее уже хотели разбирать. Комната крохотная, дом деревянный – все могло бы вспыхнуть моментально. Но все обошлось. А для меня это стало хорошим уроком на всю жизнь. Я поняла, что подружки не всегда дают добрые советы, иногда они это делают по незнанию, а иногда и из зависти. А главное, я осознала, что не должна теряться и паниковать в сложных ситуациях. Поплакать можно и потом, когда все трудности и проблемы будут позади. А в ответственный момент надо быть сильной, собранной и решительной. И потом я часто вспоминала себя ту, десятилетнюю девчонку, борющуюся с огнем. И это мне всегда придавало сил и выдержки!

Посуда

Было мне тогда лет четырнадцать. Учебный год подходил к концу, и нас, как всегда, должны были послать на прополку – то ли свеклы, то ли морковки – в колхоз. Мне совсем не хотелось ехать. Дома остался младший брат, родители на работе, столько планов...

И тут – о радость! – автобус сломался. Нас отпустили и я, счастливая, помчалась домой. Дома мы готовились к новоселью. Много лет строился наш дом, и наконец-то все было готово. Даже в родительской спальне были покрашены полы и уже почти высохли. Мама, чтобы выветрился запах краски, открыла окна настежь. Но чтобы мы не лазили в дом через окно и не затаптывали новый пол, дверь со стороны столовой она подпирала папиной двухпудовой гирей.

Прибежала я домой, а входная дверь – заперта. Я побегала, покричала, позвала Сашу, но он не отозвался – значит, убежал куда-то. Недолго думая, я полезла в окно спальни. Предварительно разулась и аккуратненько добежала до двери в столовую, но она не открывалась.

– Ну, ясно, мама опять ее подперла гирей, – решила я. И стала пытаться отодвинуть гирию. Но у меня ничего не получалось.

Вдруг меня осенило:

– Наверное, там две гири! Нужно подналечь!

Из последних сил я навалилась на дверь. Она подалась, но там была явно не гирия. Чувствую – что-то большое падает и раздается страшный грохот, прямо как взрыв. В приоткрывшуюся дверь я протиснулась в комнату. У входа стоял Саша. Он не отзывался раньше, потому что решил со мной поиграть и прятался в саду. А на полу, посередине столовой, лежала огромная гора разбитой посуды.

Оказывается, мама перед работой вытащила в сад буфет, чтобы его вымыть и высушить. А всю посуду, которая была в буфете и вообще в доме, составила на большой обеденный стол. А там чего только не было – и подарки родителей, и привезенные дядей из Китая сувениры, в общем, все то, что она накопила за свою жизнь. Там были и новые, еще не распакованные сервизы, и две большие хрустальные вазы для фруктов. Одна – подарок папиной мамы, другая – маминой.

Видимо, маме не пришло в голову, что кто-то может влезть в окно, поэтому она и придвинула стол к двери. Он был очень большой, квадратный, устойчивый, но, к сожалению, – раздвижной. Одна половина как раз была выдвинута и на ней стояла швейная машинка. И когда я хорошенько поднажала на дверь, машинка перевесила – и стол перевернулся.

Когда я увидела груды черепков, и поняла, что натворила, я, конечно, очень испугалась. Ведь мама запретила лазить в окно, я послушалась. Я не знала, что мне делать и, как была – в одних носочках, побежала к бабушке-соседке. Прибегаю, реву.

Она мне:

– Анечка, что случилось?

– Я все-все разбила!

Бабуська меня ощупывает:

– Что? Руки, ноги?

– Нет, всю посуду в доме!

Мы с ней побежали к нам. Как только она оценила масштаб катастрофы – запричитала в голос.

А тут папа заходит, приехал на обед. Посмотрел на перевернутый стол, на черепки, на нас с бабкой, зареванных, и говорит:

– Не реви, все нормально.

Он принес со двора большой таз, сложил в него все осколки и выбросил в выгребную яму. Только успел закончить – тут и мама пришла на обеденный перерыв.

Она еще не успела зайти в дом, а папа, как коршун, летит к ней, старается опередить:

– Не волнуйся, все в порядке.

Папа очень боялся, что мама начнет ругать меня. Но мамочка, конечно, просто опешила, увидев такое. И со словами:

– Посуда бьется к счастью, – повернулась и бросилась вон из дома, чтобы мы не видели ее слез. Она шла на работу и всю дорогу плакала.

Вечером, когда все успокоились, и мы ужинали из новых простых тарелок, пили чай из граненых стаканов и рассматривали оставшиеся от нового чайного сервиза блюдце и чайничек, я клятвенно обещала маме, что, когда вырасту, выучусь и буду работать, накоплю ей много красивой посуды. Самой красивой на свете! Какую она только пожелает!

Правда красивую посуду и позже дарила мне чаще всего мамочка, а я ее частенько била, да и сейчас такое случается.

Случай этот я запомнила на всю жизнь и до сих пор признательна своим родителям за такую реакцию. Я понимала, как маме было жалко красивую посуду, тем более что тогда так трудно было ее купить. И собирала она ее в течение пятнадцати лет после войны.

Но никто – ни по горячим следам, ни потом – меня не ругал и не упрекал. Наоборот, всегда шутили, вспоминая подробности – как соседка испугалась, что я себе что-то разбила, как папа носил эти стекляшки и как бежал навстречу маме.

Коза

Как-то зимним вечером я возвращалась из школы. Почему-то одна.

Было морозно, пустынно и темно. Редкие фонари на столбах слабо освещали улицу. За всю дорогу я не встретила ни одного человека. Снег скрипел под ногами, и каждый шаг отдавался в моих ушах. Было немного тревожно и жутко. Я шла быстро, для смелости размахивала портфелем, и время от времени трусливо озиралась по сторонам. Кругом не было ни души.

Вдруг сзади послышались твердые, уверенные, громкие шаги. Мурашки побежали по моей спине, и я пошла быстрее. Шаги за моей спиной тоже ускорились. Я побежала. Незнакомец тоже побежал за мной. Обмирая от страха, не решаясь оглянуться, я остановилась.

Он тоже остановился. Мне стало совсем страшно. Я уже себе представила, что сейчас на меня сзади нападут, а я даже не смогу позвать на помощь. Поблизости ни одного человека. Собрав все силы, я побежала. Он – за мной. И, кажется, вот-вот догонит.

Сердце колотилось в груди, еще секунда – и выпрыгнет, в ушах стучало, ноги стали ватными. А дом совсем близко. Уже показалась спасительная калитка. Еще буквально несколько метров и я буду спасена. А чьи-то шаги меня уже настигают. Наконец-то я подбегаю к своим воротам и распахиваю калитку. И вдруг кто-то сильно толкает меня в спину, а точнее пониже спины, и старается проскочить во двор передо мной. Я отлетаю в сторону и в ужасе падаю в сугроб. А во двор к нам влетает самая обыкновенная коза. Видимо она вышла из какого-то двора и заблудилась. Увидела меня и пошла следом. Мне стало весело и радостно, что это не бандиты, не хулиганы, а самая обыкновенная коза. Я скорее побежала домой, все рассказала маме, и мы с ней вдвоем пошли выгонять чужую козу из нашего двора. А за ужином все долго надо мной смеялись и подшучивали.

НОВЫЙ ГОД В ШКОЛЕ

Один год мы с братом Женей учились в одной школе. Он учился в 10 классе, а я пришла туда в восьмой после семилетки.

Мне было приятно, что у меня здесь учится старший брат. И я гордилась этим. Сначала меня учителя даже спрашивали, а не жена ли я сестра. И я не без гордости отвечала, что да. И не напрасно. Скоро он вообще стал знаменитым на всю школу.

Приближался Новый год. Все готовились к новогоднему балу-маскараду. Мне тоже очень хотелось в новой школе, да еще на вечере со старшеклассниками выглядеть как-нибудь необычно, интересно. С первого класса я ходила в танцевальный кружок при Доме пионеров и уже неплохо танцевала. И мама мне сделала костюм бабочки, чтобы я могла станцевать и защитить свой костюм.

Из марли мама мне сшила балетную пачку из шести коротеньких юбочек. Покрасила их краской для фотографий в оранжевый цвет, накрахмалила и расшила блестками. У пожилой домработницы я выпросила длинные белые чулки, «смерётные», как она их называла. Она их берегла себе на смерть. Но я ее убедила, что потом ей будет уже все-равно, какие на ней будут чулки. И я ей поменяла их на простые коричневые чулки «в резинку». А к этим белым длинным чулкам мама пришила белые трусики и все вместе покрасила той же краской. И получились прямо настоящие оранжевые колготки. Из толстой алюминиевой проволоки сделала каркас, обтянула оранжевой марлей, черной краской нарисовала круги и получились чудесные бабочкины крылья. И если к этому прибавить длинные вьющиеся белокурые волосы, на них блестящий ободок с рожками, на ногах балетные тапочки и бабочка была готова.

Сложнее было с Женей, долго не могли придумать ему костюм. Ему хотелось сделать что-то такое, чтобы его никто не узнал. И он придумал. Он будет цыганкой. И начались сборы цыганского костюма. У соседки нашлась старинная с яркими цветами, прямо цыганская шаль. Юбки широченные мама сшила сама из различных ситцев. Долго не могли подобрать кофту подходящую, но очень подошла курточка от папиной пижамы – яркая в цветную полоску. На ноги он надел папины хромовые сапоги, на пояс повесил сумочку с картами, а на голову – настоящий парик с длинными черными косами. Маме его принесла ее приятельница – директор Дома культуры. И цыганка была готова. На лицо Женя соорудил маску-очки с бахромой, так что узнать его было практически невозможно.

На новогодний вечер-маскарад свои юбочки и крылышки я несла аккуратно в большом пакете, чтобы не помять и не стрясти блестки. А Женя пошел в беленькой рубашке, в брюках, вроде он и без костюма, а его цыганский наряд в школу ему принес друг Валерка и спрятал в пустом классе. Женя немного потанцевал с девочками, со всеми пообщался и сказал, что ему пора уходить и ушел. А сам в классе переоделся и... на балу появилась цыганка. Никому и в голову не пришло, что это Евгений. Дело в том, что на вечера часто приходили ребята из другой школы, и цыганка для всех стала загадкой.

Дома заранее мама научила Женю гадать на картах и по руке, он научился болтать, изменять голос и приговаривать, как цыганка – с какими-то прибаутками: «Даарагой, позолоти ручку, всю правду скажу, что тебя ждет», – и быстро разбрасывал карты. Девчонкам гадал на мальчишек, мальчишкам нагадывал девчонок. Он ведь все и про всех знал. На гадание к нему все стояли в очередь. Даже учителям гадал, чтобы двойки не ставили, а то что-нибудь случится или заболеют. Весело было невероятно, все хохотали до упаду. А цыганке жарко было в таком наряде, в парике и сапогах. Но что делать, терпел. Дело актерское такое. Маску он снял только в конце вечера, когда начались награждения и стали раздавать подарки за лучший новогодний костюм. Как же все был удивлены, когда под маской оказался наш Евгений. Сразу всем стало смешно и понятно, как этой цыганке удалось узнать все подробности школьной жизни и так точно и забавно гадать девчонкам про мальчишек и наоборот. И опять всем было весело, все Женю поздравляли. Он прямо стал героем вечера, и, конечно же, занял первое место и получил главный приз. Я была счастлива и горда, что у меня такой популярный брат.

А со мной на этом вечере тоже произошла интересная история. Я в своем костюме бабочкой порхала по залу, танцевала с мальчишками, девчонками. И все время почему-то рядом со мной была девочка в маске волка. Простая девочка, косички с бантиками, в юбочке, кофточке и полосатом жилетике. Очень славная девочка. Она меня везде сопровождала. Мы бегали с ней за ручку, танцевали. Даже бегали в буфет покупать газировку. Правда, воду она пила, не

снимая маску, только аккуратно приподняв ее. В общем, я никак не могла догадаться, кто она и почему-то думала, что эта девочка из другой школы. Народу в зале было много, все толпились возле сцены посмотреть выступления – защиту костюмов. Мы с этой девчонкой тоже там толклись, и мне помяли крылышки. Я потащила ее в свободный класс и попросила поправить мне их. И вот эта девочка стала расправлять мне крылышки, да как-то все делала не ловко, медленно. Возится, возится у меня за спиной, никак не справится с застежками, булавками. А спина у меня голая, одни бретельки и крылышки. Долго это продолжалось, ну наконец-то все она приколола, поправила и мы за ручку пошли в зал. А тут и моя очередь защищать свой костюм подошла. Я отлично станцевала свой «Вальс цветов» и побежала искать свою новую подружку.

Я бегала и у всех спрашивала: «Вы не видели девочку с маске волка?» Но никто не видел. Я даже расстроилась, что не познакомилась с ней. Но вечер продолжался. Мы веселились, обменивались записочками – играли в почту, танцевали. От волка я получила записку с приглашением на танец. Это меня еще больше заинтриговало. Но новую подружку я так и не нашла.

Старшеклассники нас не приглашали, считали нас маленькими, и нам приходилось танцевать со своими мальчишками. И вот я танцую с мальчиком из нашего класса с Димкой и рассказываю ему про свою новую подружку, которую только нашла и уже потеряла. И тут Димка как-то неловко меня закружил и наступил мне на ногу. Я стала показывать ему, как надо танцевать, посмотрела на его ноги и увидела туфли, такие же как были на моей новой подружке. А когда я внимательно оглядела его – та же челка, только без косичек, похожий жилет. Но это могло быть на ком угодно, но туфли эти были необычные, очень красивые, модные, вишневого цвета на толстой подошве и с огромными пряжками. Таких ни у кого не было, только у Димки.

– Ах это был ты, – удивилась и возмутилась я, и чуть было не поколотила своего одноклассника. Но потом мы долго смеялись и всем рассказывали, как я весь вечер общалась с девочкой, а это оказался наш мальчик. А про себя думала, хорошо, что я его в туалет не пригласила. Так что вечер прошел весело, не обычно, я тоже получила приз за свою бабочку. И запомнился на долго, даже до сих пор с братом вспоминаем его.

Димке еще раз пришлось поправлять мне новогодний костюм уже в 10 классе. Дело было так. На школьном новогоднем вечере мы с ним были ведущими – он Дедом Морозом, а я Снегурочкой. Костюм Деда Мороза взяли в Доме культуры, а Снегурочку мама мне шила сама. Костюм получился великолепный. Из красного сатина мама сшила мне платье – узкое в талии и с широкой юбкой. И еще на пышной нижней юбочке. А отделала его прямо как дубленку белым кроличьим мехом. Меховым был весь низ платья, манжеты, воротничок и застежка. Талия тонкая, юбка пышная – красота невозможная. На голове шапочка с какими-то висюльками, красные ажурные перчатки и туфельки на шпильках. В общем Снегурка получилась что надо!

Вечер прошел прекрасно. Мы с Димкой были на высоте – весь вечер всех развлекали, веселили, награждали. И так мы понравились нашему директору, а он был членом Райисполкома, что он предложил нам с Димкой провести детский утренник для исполкомовских детей.

Мы сначала как-то засмутились, засомневались, но, когда сказали, что нам еще и заплатят – Деду Морозу 10 рублей, а Снегурочке 5, мы согласились. В тайне я, конечно, считала, что это не очень справедливо – такая дискриминация – тем более, что костюм у меня был очень красивый. Но пять рублей, это тоже не плохо. И мы с приятелем пошли работать.

Детей в зале Райисполкома собралось уйма, да еще столько же родителей. Нам выдали мешок с подарками, там игрушки-погремушки, конфетки всякие, это что за стишки-песенки раздавать. А кульки с подарками сказали принесут позже. И вот мы зашли в зал. Детки сначала были притихшие, вроде удивленные, все в ожидании волшебства. Но очень быстро освоились и стали нас изучать поближе. Мы с ними водили хороводы, пели песенки. Но в хороводе каждому хотелось стоять рядом со Снегурочкой. Они стали оттеснять друг друга, чтобы меня потрогать, взять за руку. Уж очень им понравилась внучка Деда Мороза – ну прямо, как насто-

ящая. И детки стали на меня цепляться, тащить в разные стороны, тискать, обнимать, да так активно, что молния на платье не выдержала и раскрылась. И платье почти свалилось с меня. Я с великим трудом вырвалась от этих обезумевших деток и с криком: «Дед Мороз, выручай!» – убежала в какой-то кабинет.

Хорошо Димка сообразил – попросил какую-то мамашу поводить хоровод и пришел мне помочь. И опять ему пришлось на моей спине застегивать молнию. И опять он очень долго возился (как мне показалось), но все-таки в конце концов застегнул, и мы торжественно пошли в зал раздавать этим сумасшедшим деткам подарки. Но я уже старалась близко к ним не подходить, пряталась за дедушкину спину.

Свои заработанные денежки мы получили, но на вторую елку я уже не пошла. Приятель сходил сам, отработал, заработал свою десятку. А мне он купил шоколадку. Через год мы закончили школу, и больше с Димкой мы не встречались. Но забавные случаи остались в памяти.

Миля

Миля, это маленькая, горбатенькая деревенская женщина, которая живет в моей памяти всю жизнь.

Когда я перешла в девятый класс, мой старший брат Женя уже как раз окончил школу, а Саша – младший брат – только готовился стать первоклассником. Женя уехал во Владимир на подготовительные курсы в институт, и мы с Саньком были целыми днями одни дома. Родители с утра до вечера были на работе.

Проблемы могли начаться в новом учебном году – с кем наш первоклассник будет дома, кто его встретит из школы, накормит, посадит за уроки, развлечет? Он у нас был младшенький – всеобщий любимчик и, конечно, немного избалован вниманием.

Проблемы могли начаться в новом учебном году – с кем наш первоклассник будет дома, кто его встретит из школы, накормит, посадит за уроки, развлечет? Он у нас был младшенький – всеобщий любимчик и, конечно, немного избалован вниманием.

Раньше у нас всегда жила в доме какая-нибудь тетушка. Родных-то бабушек не было! А здесь, как нарочно, никого подходящего на примете не было, и мама уже начинала задумываться:

– Что же делать? Скоро начало учебного года!

И тут ей предложили взять на зиму одну деревенскую одинокую женщину. Правда, предупредили, что она инвалид детства, с изуродованным позвоночником. Одним словом – горбатая.

Это сейчас стали терпимее относиться к инвалидам. А тогда всё, что не вписывалось в общепринятые рамки, старались спрятать, не демонстрировать, скрывать.

И мама сначала засомневалась, стоит ли брать в дом горбунью, да еще из деревни. Что скажут знакомые? Ведь могут и осудить.

Но деваться некуда, время подпирает – и она согласилась:

– Пусть приезжает! Посмотрим...

И вот через день к нашему дому подъехал трехколесный мотоцикл, и из коляски вышло крошечное создание – то ли ребенок, то ли лилипут?

Оказалось, это и есть Сашина «гувернантка».

С простой плетеной корзинкой-кошелкой, в которой были ее скромные вещички, она зашла в наш дом. Мама была на работе, а мы не знали, как нам себя вести. Раньше мы никогда не видели таких уродливых людей. Нам показалось, что она была похожа на Карлика Носа из сказки. И хоть и нос у нее был вполне нормальный, нам она показалась очень страшной.

Но мы были хорошо воспитанными детьми и ее не выгнали, не обидели, а просто затаились и предложили подождать маму. А сами разглядывали ее и молча злились.

Шептались с Саньком в другой комнате:

– Неужели эта уродина будет жить с нами в нашем доме, и с ней надо будет каждый день общаться? А что скажут наши друзья-подружки? Докатилась семейка! Устроила дом инвалидов!

Но пришла мама, приветливо поздоровалась с этой женщиной, приготовила чай и они сели с ней беседовать – знакомиться.

Оказалось, что ей тридцать семь лет и она мамина ровесница. Зовут ее Меланья Ивановна. Замужем никогда не была. Ну, это понятно – кто же такую возьмет? Жила в деревне со старшей сестрой и ее дочерью. Когда она была совсем крошкой, ее родители поссорились, стали выхватывать ребенка друг у друга, и повредили ей позвоночник. Но в то время никто на это не обратил внимания. Плачет ребенок и плачет – капризничает, наверное. А потом девочка выросла немного, но со временем стала расти не вверх, а в бок. Так и осталась Миля горбатенькой. Закончила семилетку, хотела дальше учиться, но надо было сестре помогать. Жила у нее в доме на хозяйстве. Сестра с дочкой работала в колхозе в поле с раннего утра до позднего вечера. И Миля, как Золушка, целыми днями хлопотала по дому. А зимой на колхозных полях делать было нечего, сестра с дочкой были дома, сами занимались своим хозяйством, и Миля решила подзаработать – раз уж ей предложили в городе пожить зиму в семье.

Мама ей поручила мелкую работу по дому – посуду помыть, нас с Сашей после школы встретить и накормить, на кухне прибраться, ну и с большой уборкой помочь раз в неделю. А готовить обед и стирать мама решила, что будет сама.

И стала Миля (мы ее звали тетя Миля) жить у нас. Поселили ее с Сашей в одной комнате. Сначала он был очень недоволен, но сидеть дома в одиночестве тоже ему не хотелось. Я училась во вторую смену и из школы зачастую приходила даже позже родителей. Все же уже 9 класс – много уроков и дополнительные занятия, репетиции...

Но очень скоро мы с Милей подружились и даже полюбили друг друга. Она прижилась в нашем доме. Делала все тихо, незаметно: что-то потихоньку терла, чистила, вытирала, раскладывала. И вскоре вообще стала нашей с Саньком подружкой.

Всеми своими школьными новостями, мы прежде всего делились с тетей Милей. Она так хорошо умела слушать, с таким интересом задавала наводящие вопросы и поддакивала, что очень хотелось скорее все ей рассказать. Ведь мама с работы придет только вечером, а поделиться хочется уже сейчас.

От школы до дома я шла ровно 10 минут. Я еле сдерживалась – так меня распирали новости!

Я заскакивала домой и сразу начинала раздеваться. У порога сбрасывала башмаки – Миля ставила их на место. Дальше летело пальто, шарф и так далее. Пока добиралась до своей комнаты – успевала завалить весь дом своими вещами. Тетя Миля все это подбирала и с приветливой улыбкой раскладывала по своим местам. А потом с таким интересом слушала мои рассказы, как будто сама училась со мной в одном классе.

И про мальчишек, которые мне записочки писали, под окна приходили, погулять выманивали, Миля тоже все знала и вела с ними вместо меня дипломатические переговоры.

Я ее учила, кому что сказать, и она всегда четко выполняла задание. И еще всегда высказывала о мальчишках свое мнение – кто меня достоин, а кто и не очень.

А когда ко мне приходили одноклассники, наша тетя Миля всех всегда привечала. Никого никогда не поучала, только улыбалась и быстренько, как мышка, накрывала стол для чая со всякими пряниками, вареньем и медом. Или быстро на простокваше делала оладушки, и угощала нас. Во всяком случае, гости из нашего дома никогда без угощения не уходили.

Ребята тоже к ней привыкли, и не обращали внимания на ее увечье. Все очень хорошо и по-доброму к ней относились. Всегда при ней шутили, дурачились, а она только улыбалась.

Дома у нас был большой зал – почти пустой, прямо как танцзал. На всю комнату огромный ковер, вдоль одной стены ряд стульев, а с другой – только пианино и тумбочка с проигрывателем и пластинками. И когда мы собирались потанцевать, тетя Миля помогала мальчишкам скручивать ковер и натирать пол свечкой, чтобы лучше скользило, а потом садилась на стульчик возле двери и смотрела, как молодежь веселится. И никому она не мешала, и никто ее не стеснялся.

Мы все сами не заметили, как очень к ней привязались. Она стала просто членом нашей семьи, и когда уезжала в свою деревню на летние каникулы помогать сестре, мы очень скучали и не могли дождаться, когда она вернется.

Вечерами я ей делала прически. Мне очень хотелось сделать ее красивее. Она начала подкрашивать губки, бровки. Присматривалась, как это делает мама и старалась повторить. Мама шила ей платья с каким-нибудь большим воротником, чтобы как-то прикрыть ее горб.

Большую часть времени она проводила в своей комнатке – вязала, читала, или слушала, как ей читает Саша. У них-то вообще была полная идиллия, мы их так и звали – голубками. А Милину комнату окрестили гнездышком.

Саша очень полюбил эту тетушку и даже не обижался на наши шуточки. Миля была с ним одного роста, и, конечно, ему было приятно чувствовать себя с ней наравне.

Так что стала она нам лучшим другом. Все свои школьные секреты (а я еще и девичьи тайны) мы рассказывали Миле. Я знала, что она никогда никому не проболтается – даже маме. Она была моим самым доверенным лицом.

Миля же очень любила наших родителей и была за все им очень благодарна. И за доброе к ней отношение, и за то что дети к ней хорошо относились, и за то, что в доме ее никто не игнорировал, напротив считали своей, почти родной. И она, изо всех сил, старалась содержать дом в чистоте и заботиться о нас.

Постепенно она научилась готовить – котлеты делать, борщ варить. Но почему-то больше любила мамину стряпню. Наготовит, а сама не ест.

Мама ей:

– Миля, а почему ты сама не ешь свой суп?

А она:

– Да, Васильевна, вы не едите его, а я что хуже? И я не буду.

Но когда она приезжала в свою деревню, все местные женщины приходили у нее учиться всему городскому – и готовить, и вязать, и послушать про «городскую жизнь».

Большая уборка с выбиванием ковров была у нас раз в неделю, а повседневный порядок Миля поддерживала идеально. Посуда кухонная сияла у нас, как золото и серебро. Такого я никогда больше не видела. Даже новая посуда так не блестит. И все это она делала без каких-то специальных средств – только песочком и содой. Больше всего мне запомнились кра-ники-флажки на газовых трубах – они горели как солнце! Чем она умудрялась их так начищать – не знаю. Но я эту красоту запомнила на всю жизнь. В общем, кухня содержалась в идеальном порядке.

Но больше всех в нашем доме Миля, наверное, любила моего папу. Она его просто боготворила! А он всегда относился к ней доброжелательно и не скупился на комплименты, шуточки и прибауточки.

Например:

– Ну, Миля, ты сегодня прямо помолодела, похорошела, да у тебя новая прическа. Красиво.

Или так:

– Да ты сегодня нарядная такая! Наверное, письмо от женишка получила. Признавайся!

И Миля таяла и начинала тащить ему на стол все, что было в погребе. Утром подает ему завтрак – выставит на стол соленья всякие из погреба, закуски... А сама встанет возле стола, поставит локти на стол, обопрется подбородком на руку (сама то как раз чуть выше стола) и любитесь, как папа ест.

Мама ей говорит:

– Миля, ты его так совсем раскормишь.

А она так важно ей отвечает:

– Ой, Васильевна, да я бы на Сергей Иваныча все время бы любовалась!

Мама смеется:

– Ну полюбовалась и хватит. Иди посуду мой! – И обе смеются.

Ее никто и никогда не унижал, а зная про ее увечье, боялись даже ненароком обидеть. Хорошие мы были дети – нас воспитывали в строгости и в уважении к старшим. Мы знали, если человек живет у нас в доме, мы его должны уважать, а еще лучше – любить. И мы Милю очень любили.

Правда, приятели и друзья родителей всегда подшучивали, мол, хитра Клавдия (моя мама): взяла в дом такую домработницу, что уж точно муж не соблазнится – мало того, что ровесница жены, так еще и горбатая.

А сами очень даже завидовали тому, что у нас дети присмотрены, накормлены, всегда чистенькие, наглаженные, а дома чистота и порядок.

Потом я окончила школу и уехала в Воронеж в институт. А Миля так и жила у нас осень-зиму, а на весну-лето уезжала в свою деревню – помогать сестре.

Но там как-то неладно все складывалось. Ее племянница Зина вышла замуж за тракториста. Не знаю, как сейчас, но в то время в деревне самогон пили все мужики. И Зинин Николай тоже. У них родилась девочка, а Николай стал пить еще больше, пьяным попал под собственный трактор и умер. Племянница Зина с горя и от трудной жизни – тоже запыла. Миля не бросала сестру и помогала им растить ребенка.

Мама ее очень жалела, но помочь ничем не могла.

Я уже вышла замуж, окончила институт, родила Леночку, и мы собирались уезжать на север. Папа у нас как первооткрыватель неизведанных земель уже работал в Сибири, а мы с

мамой и Сашей паковали вещи – готовились к отъезду. Миля, помогая нам собраться, тихонько плакала – ей очень жалко было расставаться. Мама тоже очень грустила и уговаривала Милю поехать с нами. Ведь так всем было бы лучше! Она бы опять хлопотала по дому, нянчила бы Леночку, ведь в молодом поселке газовиков, куда мы ехали, еще не было детских садиков, а няньку ребенку найти вообще было невозможно.

Но Миля была благородным человеком, и бросить сестру в трудную минуту никак не могла. И мы уехали без нее. А она вернулась в свою деревню.

Через год, когда мама приехала летом проведать свой дом, она встретила с Милей. И это уже была не та бодрая, энергичная, молодящаяся женщина, а больная, уставшая, маленькая, замученная старушка. Дела у нее были совсем плохи. От тяжелой жизни и безысходности к самогонке пристрастилась и сестра, и Миля была просто в отчаянии. Мама ее умоляла все бросить и поехать с нами на Север:

– Ты же с ними, со своими алкоголичками, просто погибнешь. Ты уже не сможешь их спасти!

Но все было бесполезно. Когда через год родители приехали в отпуск, мама узнала, что Миля умерла. Ее маленькое сердце не выдержало.

Мы все очень горевали, что не стало нашей маленькой Мили. Но она на всегда осталась в нашей памяти, в нашем сердце.

И мы с братом Сашей при встрече всегда с теплотой и улыбкой вспоминаем какие-то забавные моменты того времени: сияющие кастрюльки и золотые краники, Милины оладушки, смешные манеры. Когда ей хотелось выглядеть «по-городскому», то она картинно зевала и пила чай, отставив пальчик. И всегда мы вспоминаем наш чудесный дом, где было тепло, чисто, уютно и приветливо. И немалую роль в этом сыграла маленькая, горбатенькая, деревенская наша любимая Миля – тетя Миля.

Дивногорье

После девятого класса нас повезли на экскурсию в Дивногорье. Это такое чудное место километрах в тридцати от Острогжска – там река Тихая Сосна впадает в Дон.

Наша Тихая Сосна, действительно, небольшая, спокойная, романтичная река, заросшая камышом по берегам. А в воде много цветов – белых лилий и желтых кувшинок. Мы, девчонки, очень любили делать из них бусы, а потом щеголять в них по городу.

А Дон совсем другой – широкий, глубокий, берега песчаные. Настоящая судоходная река. Именно на это место, где сходятся две реки, нас и привезли позагорать, покупаться, погулять и посмотреть уникальные пещеры в горах.

Всего нас было человек тридцать из двух девятых классов. С нами два учителя. Первая – наша классная, Анна Дмитриевна, химичка. Смешная такая. Ребята вечно над ней подшучивали и за глаза звали ее «Мензулькой». Она шепелявила, когда говорила слово «мензурка». Получалось очень смешно. Её никто никогда не слушался.

А второй – учитель физкультуры Николай Ефремыч. Тоже очень хороший. И тоже его никто никогда не слушался. Вот такая компания с сумочками (Валерка Белугин даже с маленьким чемоданчиком, который назывался «балетка») рано утром на электричке поехали в Дивногорье. На целый день.

Чтобы утром не проспать, мы с подружками Людой и Шурой даже вместе ночевали. Спали втроем на Шуриной кровати. Полночи хихикали, толкались, тянули на себя одеяло.

А остальные полночи я все время вскакивала и проверяла будильник – боялась проспать. И, конечно, всех будила. Особенно, когда вместо будильника пальцем попала Людке в глаз. Ну да ничего страшного – глаз уцелел, а вставать все равно уже пора было.

С собой мы взяли только купальники и незамысловатую еду – вареные яйца, сало и соленые огурчики. Ну и конечно всякие пирожки-пряники. В общем, все, что мамы нам собрали.

Доехали благополучно. И ранним утром пошли осматривать подземелье. Это были очень старые пещеры, протяженностью, наверное, несколько десятков километров. На стенах и древние рисунки, и надписи военных лет. Во время отечественной войны там спасались от фашистов жители этих мест. Бродили мы там с фонариками и со свечками. Подземные ходы сходились, расходились, спускались куда-то вниз. Все это под землей, в темноте. Мы с девчонками очень боялись потеряться, держались все вместе. Было как-то даже жутковато. Но обошлось – все вышли, никто заблудился.

Всей гурьбой побежали купаться на то самое красивое место. А там действительно было очень здорово. На берегу Тихой Сосны трава высоченная, прямо по пояс, вся в цветах. Мы опять букеты рвем, венки плетем. Все девчонки ходят в венках – красотки. А мальчишки недалеко в Дону купаются, на песочке загорают. Вдруг смотрим, а наша классная пропала. Нет нашей училки. А мальчишки нам машут, и палец к губам прикладывают, мол, тихо, идите сюда. Мы тихонечко подходим и видим – наша Мензулька сидит по пояс в воде, как в ванне и поливает на себя водичку баночкой. Нам опять смешно!

Часам к четырем мы уже накупались, назагорались, даже обгорели немного. Можно было бы уже и домой возвращаться, но электричка будет только вечером. И ждать нам ее еще часов пять. А сил уже нет – устали. Да и голодно как-то стало. Свой-то провиант давно уничтожили. Девчонки стали ныть, скулить, проситься домой. Да и ребятам уже захотелось вернуться в город.

И тогда мальчишки предложили нам ехать домой товарным поездом. Он шел буквально через полчаса. Они объяснили, что в каждом товарном вагоне есть площадка, на которой можно стоять, держась за поручень. Недолго думая, мы согласились. Ура, через час будем дома!

Правда, как нам рассказали мальчишки, на нашей станции этот поезд не останавливается, а идет дальше. Но возле вокзала он замедляет ход и надо будет только спрыгнуть. Все так просто. Ну что ж, прыгать – так прыгать.

Мы набились на эти платформы и поехали. Все два класса – человек тридцать. И учителя, наверное, тоже ехали на этом поезде, но мы их не видели. Поезд длинный, нас много. И вот мы едем, весело, с ветерком, песни орем, перекликаемся. Здорово!

Наконец наш поезд начал замедлять ход. Впереди станция. И вдруг на самом крутом откосе с соседней площадки летит Валерка Белугин со своим чемоданчиком. Вернее, сначала летит его «балетка», а за ней – кубарем под откос – Валерка. Видимо, он решил, что пора уже прыгать.

Поезд уже еле-еле полз. Показался вокзал и стрелочницы с флажками. Начальник станции вышел на платформу.

– Ну, теперь пора, – решила я и соскочила с подножки вагона. Наверное, я как-то случайно удачно спрыгнула по ходу движения поезда, что не упала, хотя была в узкой юбке, с сумкой и с фотоаппаратом на плече. Я приземлилась, пробежала несколько шагов, оглянулась и обомлела. То, что я увидела, словами описать было трудно.

Рядом со мной, с подолом на голове, лежала одна моя подружка.

Я кинулась к ней:

– Шурочка!

Не успела я помочь ей встать – тут летит моя вторая подружка, тоже кубарем и приземляется в той же позе.

– Людочка! – закричала я, а когда оглянулась и посмотрела вокруг, то увидела, что вся платформа вдоль вагона завалена телами в разных нелепых позах. Ребята все продолжали прыгать и падать, разбивая коленки, локти и даже носы.

Начальник станции, работники вокзала и пассажиры на вокзале были просто в ужасе. Никто не мог понять, что происходит? Зачем с товарняка прыгают и разбиваются эти дети? Тем более, что поезд спокойно остановился. И мальчишки, которые предложили нам ехать этим товарняком, спокойно сошли на перрон. Они прекрасно знали, что поезд остановится. Они так просто пошутили. И тридцать человек в ссадинах, кровоподтеках, со стонами, со слезами побрели домой. Под первой попавшейся колонкой замыли раны, умылись, поглядели друг на друга и захохотали. Стали подтрунивать друг над другом, вспоминая, кто как летел, и как лежал. А когда увидели, что Шурина юбка стала длиной, почти до пола, мы никак не могли понять, как она могла от удара об землю так вытянуться. Тогда Шура подняла кофточку, надев ее поверх платья, и все увидели, что ее юбка полностью оторвалась от верхней части и держится на одной только нитке. И нам стало еще смешнее.

На ребят, этих шутников, мы, конечно, разозлились. А им хоть бы что. Мол, мы же не знали, что вы такие глупые, поверите и будете прыгать.

Нам бы надо было их поколотить. А пришлось еще и выгораживать перед директором. Что, мол, никто нас не заставлял прыгать. Мы сами так решили. Ведь начальник станции пришел в школу и пожаловался на нас. Но нас только поругали, да и то не сильно. Все были счастливы, что обошлось без серьезных травм, переломов и увечий. Отделались синяками и ссадинами.

А прогулка эта запомнилась надолго. И до сих пор при встрече все ее вспоминают. А ведь уже давно стали бабушками и дедушками.

Зуб

В нашей семье у всех были очень хорошие зубы. Во всяком случае, я не помню, чтобы в детстве меня водили к стоматологу. Да и мама рассказывала, что мой дедушка (мамин отец) своими крепкими зубами даже стаканы грыз. Мог водки выпить, а стаканом закусить. Спокойно отгрызал краешек граненого стакана. Я думаю, он его, конечно, не ел – на публику работал. Но получалось очень эффектно.

Вот и я всем, кому не лень было смотреть, демонстрировала крепость своих зубов. Конечно, когда мама этого не видела. Я раскусывала разные орехи, вишневые и сливовые косточки, могла спокойно карандаш перегрызть. Даже с грецкими орехами справлялась. Ну и доигралась, конечно.

Как-то грецким орехом я отломила кусочек коренного зуба. Да так неудачно – откололся самый уголок. Мама повела меня к врачу, и та поставила пломбу. Ну, во-первых, пломбы

раньше были – сплошной цемент. Да и место неудобное – на этом уголке пломба просто не держалась. И буквально через два дня она вылетела. И мама снова повела меня к врачу. Врач опять сверлила мне этот дурацкий зуб – дырка становилась еще больше. Она опять ставила пломбу. И через два дня пломба опять вылетала.

И тогда я просто перестала говорить об этом маме. Так и ходила с дыркой в зубе. И, в конце концов, он заболел. Поначалу я терпела и только, когда боль стала совершенно невыносимой, призналась маме, что уже давно хожу без пломбы. Мама, конечно, отругала меня и повела к доктору. Но уже не к своей знакомой, а к папиному приятелю – известному в городе врачу. Кандидату наук. Он, вроде, даже писал какую-то докторскую диссертацию.

Мама привела меня к нему и оставила там с просьбой сделать все, что можно. Доктор долго, внимательно изучал мой зуб и, наконец, вынес приговор – лечить бесполезно, надо удалять незамедлительно. Слишком все запущено. Я была девицей решительной, училась уже в 9 классе. И решила – удалять, так удалять. И раз все равно придется от него когда-то избавляться, так пусть уж сделают это сейчас!

Сначала доктор обколол мне весь рот новокаином, подождал пока укол начал действовать и начал выдирать зуб. Но не тут-то было! Зуб не поддавался. Страдания, как мне показалось, длились вечность. Но, в конце концов, передохнув, набравшись сил, мой зуб доктор удалил. Правда, он так упирался в мое плечо и тащил с таким усилием, что едва не выбил мне и передние зубы. Но, Слава Богу, все обошлось! Увидев многострадальный зуб, я страшно удивилась, что он оказался таким большим и красивым.

Но когда я поняла, что во рту у меня появилась огромная дыра, то возмутилась и даже закричала на врача:

– Вы что сделали? Там теперь пустота. Я так не хочу! Я вас не просила его удалять! Я не думала, что будет так противно!

Доктор оторопел и даже расстроился. Он не ожидал от пациентки такой реакции. А я ему одно:

– Верните зуб на место. – А сама уже реву.

Доктор – кандидат наук с незаконченной докторской диссертацией – подумал-подумал и говорит:

– А ты знаешь, я попробую. Вообще-то, я собираю материал для докторской диссертации по теме имплантации зубов. Уже пытался приращивать зубы двум пациентам, но ничего не получилось. Возможно, потому что они были уже старые... А ты молодая, здоровая. А вдруг у тебя прирастет! Хочешь, проведем такой эксперимент? А зуб твой все равно пришлось бы удалить. Не сейчас – так позже.

Ну, я сразу немного успокоилась и, конечно, согласилась, чтобы мой зуб вернули на место. Во-первых, у меня все будет как прежде, а, во-вторых, я буду первая, с кем проведут такой эксперимент. А я очень любила оригинальничать.

– Только придется потерпеть, – сказал доктор. И я согласилась.

Прямо на щипцах доктор запломбировал зуб и обработал его всякими лекарствами. Приказал терпеть, и стал запихивать его в свежую ранку. Анестезия уже стала проходить, было ужасно больно, но я терпела.

В общем, кое-как он туда его засунул. Велел мне закрыть рот и сильнее стиснуть зубы. Сделать это было непросто... Было очень больно, но я старалась ради успеха нашего эксперимента. Рот я с трудом закрыла. Затем доктор стянул бинтом мои челюсти, чтобы он не открывался и сказал:

– Будет сильно болеть, но завтра станет полегче. Но если не хватит терпения пережить эту боль, просто вынешь этот зуб и выбросишь. А если перетерпишь, может и приживется...

И вот в таком виде, с забинтованной физиономией, мама повела меня домой.

Сначала было как-то терпимо, наверное, еще действовали уколы, да и таблетку мама дала. Но к ночи начался просто кошмар. Боль была нестерпимая. Мама всю ночь сидела возле меня и уговаривала избавиться от этого зуба. Но я держалась и ради эксперимента готова была терпеть что угодно. Правда, потом полегчало и я даже немного поспала.

Утром я опять пошла к доктору. Он очень удивился. Был уверен, что я не выдержала трудной ночи и вынула зуб. Но раз уж я пришла – нужно было продолжать. Чтобы зуб не вывалился, доктор проволокой прикрутил его к другим зубам. Получилась удивительная конструкция. Правда, эта проволока во рту мне мешала, и было не очень приятно, но я сказала, что все прекрасно. Я боялась, что доктор откажется приращивать мой зуб. Но он уже загорелся, и эксперимент продолжился. Врач назначил мне всякие полоскания и велел прийти дней через десять.

А через неделю мне исполнилось шестнадцать лет. Праздновать мой день рождения собрался весь наш класс. Было очень весело. Мама нас вкусно кормила. Вино мы тогда еще не пили. Танцевали, пели под пианино. В общем, было очень здорово. Родители подарили мне золотое колечко с маленьким рубином (тоненькое такое, с красным камешком). А одноклассники – большой розовый бархатный альбом для фотографий. Я его до сих пор храню. А доктор, папин приятель, подарил мне мой зуб – вернее, вернул его на прежнее место.

На своем празднике я чувствовала себя просто королевой, героиней. Ведь все знали про мой вживленный зуб, но многие не верили, что такое возможно. И просили показать, как он там привязан проволокой. И мне, шестнадцатилетней девице, приходилось постоянно открывать рот и демонстрировать свой зуб.

Я была счастлива и доктор тоже. Ведь зуб действительно прижился. Но главное, я была первой, у кого эксперимент закончился успешно. Доктор об одном жалел – что этот зуб не искусственный. Вот тогда он служил бы вечно!

Прошло время, и теперь такие операции по имплантации зубов делают в каждой клинике. Но я-то была ПЕРВАЯ! И очень этим гордилась.

Римские каникулы в Острогожске

Закончился десятый класс, и наступили последние каникулы перед последним, одиннадцатым, классом. Мы еще не определились, чего хотим в этой жизни – или скорее покончить с порядком надоевшим детством, или продлить его. А пока болтались в городе, встречались, ходили в кино, на речку, много читали.

Мои одноклассники часто приходили ко мне в гости просто так. Дом у нас был большой (он и сейчас стоит), двор, сад. А главное, там была домработница Миля (тетя Миля) – маленькая горбатенькая женщина. Она всегда привечала моих друзей – чаем поила с блинчиками-оладушками, с домашним вареньем или с медом. Ребята очень любили ее, потому что она никогда на нас не ворчала и не ругала за наши шалости.

А еще у меня был брат Саша, младше меня на 7 лет. Потешный, веселый, остроумный мальчишка и ребята с удовольствием дурачились с ним – как дети носились по саду, нас с девочками обливали водой. Мы их тоже в ответ. В общем, развлекались, как могли.

В этот день ко мне зашли Валерка с Лариской. Валерка был отличный парень – хоккеист. Ему шайбой выбили передние зубы, и они у него были пластмассовые. В классе его звали «Зуб».

Зуб был моим поклонником и как тайная охрана всегда находился где-то поблизости. Если после школы меня провожал кто-то из мальчишек, то я знала, что по другой стороне улицы обязательно идет Валерка со своим планшетом вместо портфеля. Он опекал меня и в институте, пока его в армию не забрали после первого курса. Служил он в «кремлевских войсках», писал мне письма, присылал фотографии – в красивой форме, с аксельбантами. Но был он мне просто другом, приятелем. Не больше. Он это знал и на большее не рассчитывал. И поэтому мы с ним так хорошо и общались.

Лариса училась в параллельном классе. Но мы с ней подружились, благодаря школьному спектаклю, в котором обе принимали участие. Она играла партизанку, которую должны были расстрелять. А я гимназистку, которая пошла вместо нее на смерть. Действие происходило в тюрьме. Спектакль назывался «Отважное сердце». Он имел успех. Мы с ним часто разъезжали по селам. Гастролировали, как настоящие артисты.

Лариса была очень симпатичная, темненькая, с синими глазами и уже красивой полной грудью, на зависть всем девочкам, которые пока только мечтали об этом.

В общем, в это день ребята пришли ко мне, и мы договорились вечером сходить в кино на «Римские каникулы» с Одри Хепберн в главной роли. Такой фильм нельзя было пропустить. В то время кино было главным развлечением в городе, и мы не пропускали ни одной картины. Тем более такой комедии.

Валерка заранее купил билеты, и они с Ларисой зашли за мной. Миля нас еще чаем успела напоить с чем-то вкусненьким. Вечером у нас предполагались гости, и дома были свежие пирожки и печенье.

Я надела новое платье – самого модного фасона. Платье было поплиновое, голубое. Рукав «индийский» – узкий до локтя, а юбка – «татьянка» – в сборку, очень узкая в талии. Молнию на боку я застегивала с трудом. Под юбку полагалось еще надевать нижнюю кружевную накрахмаленную юбочку. Выглядела я в таком наряде настоящей куклой Барби. В руках у меня была синяя замшевая сумочка и кофточка (на всякий случай, вдруг прохладно будет). А кофта эта была необычная. Ее привез из Китая мой дядя. Цвета фуксии из очень тонкого трикотажа. Но главное – фасон. Если ее просто развернуть и посмотреть, то она напоминала огромные трикотажные женские панталоны с завязками по бокам. Такие раньше тетеньки носили. Но, на самом деле, это были не штанины, а рукава. И когда эта кофточка затягивалась на талии, то она смотрелась очень красиво.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.